

Л. Б. Сукина*

СИНОДИКИ XVI–XVII вв. КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

В XVI–XVII вв., в условиях становления предписанного православия, когда рассуждение о вере было исключительной прерогативой светских правителей и церковных иерархов, на долю обычного человека оставалось только неукоснительное соблюдение правил повседневного благочестия. В сферу действия этих правил он попадал не только участвуя в церковном богослужении и обрядах, но и выполняя свои нравственные обязанности перед семьей и обществом.

В русском православии с первых веков его утверждения в культуре большую роль играла традиция поминания усопших. Исполнение поминальных ритуалов в России XVI–XVII вв. было одним из основных источников монастырского и церковного материального благосостояния и одной из существенных статей расходов верующего человека на поддержание собственного благочестия. Размер и виды церковных вкладов «боголюбцев» «на память своим душам» регламентировала 75 глава Стоглава¹.

По решению Стоглава вся информация о вкладах и вкладчиках должна была фиксироваться храмами и монастырями в синодиках и вкладных книгах. Синодики редко подвергаются источниковедческому использованию, поскольку их содержание с трудом поддается интерпретации традиционными методами, в них далеко не всегда указываются количественные и качественные параметры вкладов, так как их земная ценность не имела значения для целей поминального богослужения. Рассмотрим эти источники с точки зрения их роли в исследовании обыденного благочестия русского человека позднего Средневековья.

Синодики – рукописные, а позже и гравированные книги для записи имен в целях церковного поминания во время богослужения, были основным источником знаний о нормах благочестивого поведения для массы верующих в XVI–XVII вв.² В Древней Руси синодики-помянники появились, вероятно, еще в домонгольское время³, а древнейший список русской редакции догматического предисловия к поминальной части – Чина православия, датируется концом XIV – началом XV в.⁴ Самой поздней, преимущественно русской по происхождению, частью синодичной триады является литературный сборник. Он сложился в кон-

* Сукина Людмила Борисовна, кандидат культурологии, заведующая кафедрой гуманитарных наук Института программных систем – «Университета города Переславля» им. А. К. Айламазяна (Переславль-Залесский).

¹ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 352.

² Поньрко Н. В. Синодик // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 339–344.

³ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Стлб. 283 (под 1108 г. помещено известие о внесении в синодик имени святого Феодосия Печерского). В знаменитом Любецком синодике прослеживаются записи XI–XIII вв. См.: Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время. СПб., 1892.

⁴ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. III–IV.

це XV в., и его первоначальная редакция связывается с именем и литературно-публицистической деятельностью Иосифа Волоцкого⁵. Наибольшее распространение синодик-сборник получил в XVII столетии, когда он служил уже не только литургическим целям, но и входил в традиционный круг домашнего нравственно-учительного чтения⁶.

Если синодики середины – второй половины XVI в. принадлежат к числу редких рукописных книг, и состав некоторых из них исследователи вынуждены реконструировать по более поздним спискам, то синодичные рукописи XVII в. насчитываются десятками и хранятся практически во всех крупных музейных, библиотечных и архивных собраниях Москвы, Санкт-Петербурга и старых русских городов. Данное обстоятельство открывает широкие возможности источниковедческого использования синодиков в исследовательской и музейной практике.

XVII в. был временем расцвета синодика как памятника русской книжности. В этот период он приобрел законченную форму многофункциональной позднесредневековой книги. В синодике многие специалисты, начиная с исследователей позднесредневековой книжности XIX в., видят аналогию западноевропейским народным книгам, таким как «Искусство умирать» или «Смертные муки»⁷. Наши собственные наблюдения, сделанные на основе вкладных и владельческих записей на известных нам рукописях синодиков, позволяют утверждать, что синодики в это время бытовали как в царских и монастырских книгохранилищах, так и в домах знати и служилых людей, зажиточных крестьян и жителей городского посада, широко использовались в богослужебной и проповеднической практике монастырских и приходских храмов.

В рукописных синодиках XVII в. перечню имен поминаемых обычно предшествовало обширное литературное предисловие, составленное из десятков текстовых фрагментов, объединенных общим сюжетом, разъясняющим содержание и предназначение книги. Л. А. Черная указывает, что эта традиция «множественных» предисловий была объяснена Герасимом Смотрицким в «предупреждении» к печатной «Острожской Библии» 1581 г. как необходимость подготовить читателя к восприятию книги. Смотрицкий сравнивал жанр предисловий с «вратами в град», которых тем больше, чем прочнее, богаче и славнее возжеленная крепость⁸.

В состав литературного предисловия синодиков включались статьи о необходимости церковного поминания усопших со ссылками на Священное Писание и труды отцов церкви, о судьбе души и тела после смерти, выдержки из космографий календарного характера, «Чин на разлучение души от тела» из Требника, «Прение живота и смерти», «Беседы римского папы Григория Двоеслова», отрывки из Прологов и Патериков, житийных повестей, «Стословца» Геннадия, Измарагда, «Слова» Палладия Мниха о втором пришествии и о Страшном суде, «Последования погребению». Для синодиков конца XVII – начала XVIII в. источниками текстов нередко служили «Великое зеркало», «Звезда пресветлая», «Небо новое» Иоанникия Галатовского, сочинения Симеона Полоцкого и Карио-

⁵ Дергачева И. В. К литературной истории древнерусского синодика XV–XVII вв. // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 66.

⁶ Там же. С. 63–76.

⁷ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 622; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. С. 84–88; и др.

⁸ Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999. С. 157.

на Истомина. Поэтому в поздних синодиках нередко стихотворные предисловия⁹.

Богатый нравоучительными сюжетами текст книги идеально подходил для иллюстрирования. Неудивительно, что среди сохранившихся до нашего времени синодиков XVII в. примерно четверть составляют лицевые памятники. Иллюстрированные синодики не равноценны по своим художественным качествам. Перепиской и украшением синодиков-сборников занимались писцы и художники разного уровня профессионального мастерства, как в столице, так и в провинции. Многие зависело от назначения книги и от материальных возможностей заказчика. Вкладные рукописи, предназначавшиеся для соборных городских храмов или крупных монастырей, украшались именитыми мастерами, и их иллюстрации и орнаменты принадлежали к числу лучших произведений книжной миниатюры и декоративно-прикладного искусства своей эпохи. Миниатюры «рядовых» рукописей, наоборот, ближе к художественному ремеслу, чем к искусству¹⁰.

Нельзя согласиться с мнением А. И. Успенского, который считал, что миниатюристы были совершенно свободны в живописном толковании текста, изображая его содержание лишь «по силе своего вдохновения»¹¹. Над иллюстратором синодика, также как и над любым средневековым художником, работавшим в сфере церковного искусства, довлел жесткий канон. Но иллюстрации лицевого синодика, ввиду краткости текстовых фрагментов предисловия, имели в свое время большое значение для понимания читателем истинного содержания повествования, так как часто уточняли и дополняли его за счет пояснительных надписей к изображению, делали его доступным для малообразованного человека или ребенка, а человеку сведущему в церковной премудрости, возможно, доставляли дополнительную радость узнавания. Мы будем говорить о синодичных миниатюрах, как о неотъемлемой части текста синодиков, позволяющей глубже понять и полнее оценить источниковое значение и смысл этих характерных памятников русской позднесредневековой культуры.

Главная задача обширных предисловий синодиков состоит в обосновании необходимости соблюдения каждым истинно верующим человеком определенных норм благочестия для обеспечения душе райского блаженства после смерти. Эта ключевая для русской и европейской средневековой культуры мысль была актуальной и в XVI–XVII столетиях в связи с очередным обострением эсхатологических ожиданий, подтверждаемых реальными историческими событиями времени реформ, опричнины, Смуты, церковного раскола, внешних военных столкновений и внутренних конфликтов в стране.

Само понятие высшего блага, как восстановления райского общения с Богом в будущей бесконечной жизни, для православного христианина тесно связано с основной идеей синодика¹². С этим определением «блага» согласуются и представления о «благочестии» и «благотворительности». Благочестие в традицион-

⁹ Подробнее о литературном составе синодичных предисловий см.: *Дергачева И. В.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII вв. (на материале Синодика). Мюнхен, 1990.

¹⁰ Подробнее о принципах и методах иллюстрирования синодиков см.: *Сукина Л. Б.* К вопросу о методах работы древнерусских миниатюристов XVII века // Из творческого опыта русского искусства XVII–XX веков. СПб., 1994. С. 3–8.

¹¹ *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века // Записки Московского Археологического института. М., 1914. Т. XXXII. С. 15.

¹² Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., б. г. Т. 1. Стлб. 331–332.

ной православной культуре – это, в первую очередь, стремление к тому, чтобы в ожидании вечной жизни после смерти «образ и подобие» Бога восторжествовали в человеке над его греховной природой. А благотворительность понимается как одно из проявлений христианской любви в виде оказания поддержки ближнему, терпящему духовную или телесную нужду. Для человека, стремящегося к благой жизни, синодик служил сборником незыблемых правил жизни по «образу и подобию Божию» и предупреждений о последствиях пренебрежения «благом».

Во всех полнотекстовых (т.е. состоящих из предисловия с Чинном православия и помянника), в том числе лицевых, синодиках главная роль отведена повествовательной части, а помянник играет роль не всегда обязательного приложения. В ряде случаев помянники заполнялись не систематично и небрежно или не заполнялись совсем за исключением официальных поминаний царей и патриархов, вписанных еще изготовителями рукописи. Открывается предисловие Чинном православия или Вселенским синодиком константинопольского патриарха Макария (в древнерусской литературе упоминается впервые в XII в. в «Повести временных лет»), читавшимся в храмах в первое воскресенье великого поста¹³. В дальнейшем Чин православия, редактировавшийся и распространявшийся на протяжении своего существования, дополнялся блоком статей догматически-богословской тематики, который состоял из разножанровых текстов. Среди них традиционно выделялись, в том числе и с помощью иллюстраций в лицевых рукописях, апостольские деяния, рассказ о VII Вселенском соборе и теоретические рассуждения о смысле и результатах произнесения священником молитвы по умершим. Эти сюжеты в тексте литературного предисловия, собственно говоря, и определяют главную мысль синодика, то есть, по выражению Е. В. Петухова, «идею назидательную» о необходимости церковной молитвы за усопшего и пожертвований в храм, а также своевременного покаяния при жизни¹⁴.

Многие тексты и композиции иллюстративного цикла догматической части предисловия лицевых синодиков связаны с политикой поддержки русской православной церковью новой династии, а также с борьбой против ересей, старообрядчества, католичества и протестантизма, с богословскими и эстетическими дискуссиями XVII века. Для этого нередко использовалась «новая» иконография, в том числе не всегда одобряемая официальной церковью.

Основной нравоучительный смысл синодика – спасение души в преддверии смерти и Страшного Суда. Отсюда проистекает интерес составителей синодичных литературных предисловий к составу человеческой природы и посмертной судьбе тела и души. Уже в древнерусских Прологах содержались притчи, заимствованные из разных источников, содержание которых отвечало на эти вопросы. В XVII в. Пролог был издан типографским способом (первое издание вышло в Москве в 1641–1643 гг. и до конца XVII столетия Пролог переиздавался еще семь раз). Поэтому копирование фрагментов его текста предисловиями рукописных синодиков, особенно второй половины XVII в., стало массовым явлением.

Переходной частью между «догматическим» и «беллетристическим» разделами синодика иногда служил апокрифический вариант библейского сказания о сотворении мира и человека, истории Адама и Евы, их грехопадения и искупления Христом первородного греха прародителей человечества, заимствованный из русской редакции краткой Палеи. Библейская история Адама и Евы включалась ранее и в состав древнерусских летописей. Она была хорошо известна каждому

¹³ Дергачева И. В. Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М., 2004. С. 147–148.

¹⁴ Петухов Е. В. Очерки из литературной истории синодика. СПб., 1895. С. 332.

человеку, но в XVI–XVII вв. ее текст обогащается дополнительными смыслами. Предпочтение отдается не исторической, а поучительной стороне сюжета и аспектам, связанным непосредственно с моментом сотворения Богом земного мира и человека как самой совершенной части природы.

Наиболее богата содержанием та часть синодика, которую, собственно, и принято называть литературным сборником. Именно она окончательно сформировалась в XVII в. и стала образцом новой эсхатологии и новой «беллетристики». На смену последовательным повествованиям апокрифов и житий пришли короткие локальные рассказы, с особым сюжетом каждый, и небольшие фрагменты эсхатологических сочинений¹⁵. В одних случаях составители синодика ограничивались несколькими наиболее популярными повестями и притчами, в других синодиках писцы собирали из нравоучительных произведений целую «хрестоматию» из нескольких десятков литературных фрагментов, куда включали отрывки из различных источников от древнерусских Патериков до «Великого зеркала». Такой сборник насчитывал большое количество редакций и не предполагал для лицевых экземпляров наличия единого «подлинника» для миниатюр, сопровождавших текст. Всякий раз, иллюстрируя рукопись, художники обращались к разнообразным, наиболее подходящим для данного случая иконографическим образцам: миниатюре, западноевропейской гравюре, иконе, фреске.

При «изготовлении» синодика писцами и художниками учитывались интересы будущего читателя или пользователя книги, которого она должна была, кроме всего прочего, научить благочестивой жизни в условиях его конкретной социальной среды. Это довольно несложно установить, сравнивая состав сборника и сюжеты циклов иллюстраций к нему с владельческими или вкладными записями, в традиционной формуле которых, как правило, содержатся указания на социальную принадлежность хозяина рукописи или место, куда планировалось ее преподнести.

Если книга делалась по заказу монастыря, или для вклада в него, то расширялись разделы, составленные из повестей и притч на «монастырскую» тему, которые учили монахов благочестиво сосуществовать с братией и уважать игумена и старцев, содействовать спасению их душ при жизни и не забывать поминать после смерти. Заказчики, принадлежавшие к зажиточным слоям населения, любили рассказы и притчи о грехах и соблазнах, присущих их сословию, как-то «Повесть о посаднике Щиле», «Притча о богатом и бедном Лазаре» и т.п. Обилие повестей, где присутствовала «воинская» тема, видимо, также может свидетельствовать о роде занятий владельца или вкладчика синодика. Книги, изготовлявшиеся для продажи, в большинстве своем, имели нейтральное содержание (обо всем понемногу) и были рассчитаны на самую незатейливую и нетребовательную аудиторию.

«Энциклопедичность» синодика позволяла включать в него самые разнообразные тексты. Известно, что русского человека второй половины XVI, и, особенно, XVII столетия интересовали не только вопросы веры и спасения души, но и сведения «естественнонаучного», общемировоззренческого, исторического характера. Но в синодике и такая информация была подчинена главной теме – благочестивому стремлению к вечной жизни. Так, в «естественнонаучный» цикл миниатюр и текстов включалась «Притча о временном сем веке» с аллегориче-

¹⁵ Подробно об эволюции эсхатологического жанра в древнерусской литературе писал А. С. Демин: *Демин А. С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе)* // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1994. Сб. 7. Ч. I. С. 51–74.

ской иллюстрацией бренности реального мира и присутствием в нем символов тления, которому не подвержены только «плоды духовные»¹⁶.

В синодичных предисловиях нередко использовались фрагменты космографий и месяцесловов. Для их иллюстрирования в качестве образцов привлекались европейские гравюры аллегорического жанра. Наиболее популярными были композиция «Круг миротворный» и цикл, демонстрировавший смену времен года: «Государь Великий Год».

Благочестивый образ жизни подразумевал сохранение души православного христианина в чистоте. Излюбленной аллегорической картинкой синодиков была «Душа чистая», буквально иллюстрировавшая текст распространенной в древнерусской письменности притчи «О душе праведной»¹⁷. Выраженный в этом произведении идеал христианской нравственности изображался, в полном соответствии с текстом, в виде прекрасной юной царевны в богатой одежде и в окружении символов ее добродетели: золотого кувшина с цветами, благоуханной молитвы и слез благодатных. Подобные аллегории души праведника в это время помещались не только в рукописных книгах для благочестивого учительства рядовых прихожан, но и украшали царские покои, например, Крестовую палату царевны Софьи Алексеевны¹⁸.

Но сохранять чистоту духовную в обычной жизни было совсем непросто. Человека на жизненном пути подстерегают всякие соблазны, противиться которым может далеко не каждый. И первый из соблазнов земного мира – «пагубное богатство». Осуждение несправедливо нажитого состояния в синодичных предисловиях содержится во многих повестях, притчах и отрывках. Символом нечестных «легких денег» в синодичной миниатюре является изображение широкого пира богача («Повесть о посаднике Щиле», «Притча о бедном Лазаре», «Повесть об Ионе», «Притча святого Варлаама о печали житейской»). Пирующих всегда сопровождает символ грядущих адских мук в виде пещерки, полной грешников и бесов.

К приобретению богатства нечестным путем грешника часто подталкивает «второй пагубный друг» – семья и ближайшее окружение. Особенно сложно было удержаться от грехопадения «государеву», «торговому» и «служилому» человеку, наживавшему деньги и имущество не только трудом и способностями, но и хитростью, изворотливостью, приспособленчеством к желаниям и потребностям власть имущих. Недаром самым популярным из синодичных рассказов была русская по происхождению «Повесть о новгородском посаднике Щиле» – человеке искренне и глубоко верующем, обладавшем знатностью, богатством, нужными связями, но отягощенном всеми грехами, присущими его сословию. Об этом же говорится и в произведениях «новой» литературы XVII в. («Повесть о Карпе Сутолове», «Повесть о Василии Кориотском» и др.)¹⁹. Тексты о пагубном влиянии денег и земного успеха включались в изобилии в синодики служилых людей, зажиточных «посадских» и в «купеческие» синодики. Они должны были побуждать «делового человека» допетровской России, поведение и нравственность которого еще не были жестко регламентированы государственными законами, к

¹⁶ Древнерусская притча. М., 1991. С. 54–55.

¹⁷ Древнерусская притча. С. 105.

¹⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI–XVII ст. Т. I. Ч. I. М., 2000. С. 194. (Репринт издания 1918 г.).

¹⁹ Об отражении достоинств и недостатков купца переходного времени в памятниках культуры подробно писала Л. А. Черная: *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. С. 200–201.

праведной жизни в духе средневековой традиции, с оглядкой на Священное Писание и поучения отцов церкви.

В последней четверти XVII в. набор примеров пагубных земных соблазнов в синодичных предисловиях расширился за счет новелл западноевропейского происхождения из «Великого зеркала», «Звезды пресветлой» и «Неба нового» Иоанникия Галаятовского. Их сюжеты были типологически близки рассказам традиционных русских Прологов и Патериков. Привычная схема: прегрешение – покаяние – кара (или прощение) наполнялись новыми для русского человека образами и событиями, расширяя представления и о жизни, и о людских слабостях. Из переводных сочинений приходят в русские синодики повести-приклады о разбойниках и блудницах, сцены «разврата» и азартных игр.

В синодичных предисловиях содержатся и своего рода «рецепты» к избавлению души от грехов, возвращению ей праведной чистоты, восстановления благочестия в обыденной жизни человека и его семьи. Нужно только приложить определенные старания и не поскупиться ни душой, ни мошной.

В качестве инструмента благотворительности выступает и сам синодик. Большинство известных нам рукописей являются вкладными в какую-либо церковь или монастырь и предназначены, в первую очередь, для увековечения благотворительного поступка их вкладчиков. Иногда синодик изготавливался по заказу жертвователя во вновь построенную на его же средства церковь, о чем и сообщалось на первых листах рукописи²⁰. Большинство синодиков кроме перечня имен поминаемых содержали в своих помянниках и краткие записи вкладов или указание на «благое деяние», за которые и следовало поминать благотворителя и его род в храме. При этом денежный размер вклада никогда не указывался, так как, с точки зрения смысла синодичного поминания, все «доброхотные даяния» в церковь или монастырь были символической «милостыней Христу», для которого «денарий кесаря» и «лепта вдовицы» имели одинаковую цену.

Синодик, особенно в своем лицевом варианте, служил своего рода «духовным Домостроем» для русского человека позднего Средневековья, внушая ему правила православного вероисповедания и благочестивого поведения на все случаи жизни. В основе сюжетных мотивов текстов и миниатюр синодиков лежали характерные для литературы и искусства позднего Средневековья и раннего русского барокко смысловые антиномии: смерть – загробная жизнь, грех – покаяние, скупость – щедрость, зло – добро, скудость – богатство, мирское – небесное и т.п. Именно они сделали синодик ценным носителем нравственной информации для низовой религиозной культуры последующего времени.

²⁰ Например, синодик переславского Никольского монастыря XVII–XVIII вв., вложенный строителем монастырского Никольского собора купцом-кадашевцем Герасимом Яковлевым Обуховым (ПЗИХМ. Инв.1272).